

Hari See

ГЛАВА 27. Часть первая. В тюрьме.

– Ты слышал, Вась, как сегодня Елисей в любви признавался?

– В какой любви?

– В любви к Богу.

– Да, как он орал, вся тюрьма вечером слушала.

– Два раза начальник тюрьмы прибежал, пытался его успокоить. Я ему вчера чараса маленький кропалик дал. Вот его и вскрыло, – виновато улыбаясь, говорит Виктор.

– Зря ты это сделал, нельзя сумасшедшим никакие наркотики давать. Его в психушку надо, в покой, снотворными лекарствами попоить, чтобы он в реальность из своих фантазий вернулся, а ты ему кризис в тюрьме устроил.

– А кто сказал, что он сумасшедший? Ты, что ли, у нас психотерапевт?

– Я хоть и не психотерапевт, но с десяток моих приятелей потеряли рассудок в Гоа, я же вижу, что у него все симптомы налицо. Мне пяти минут разговора с ним хватило, чтобы понять, что чувак во флипауте. Объялся наркотиков, и не соображает ничего. У него логика нарушена. Я же с ним пытался говорить, – у таких людей воля потеряна, не могут остановиться, жрут наркотики все подряд, а потом не могут понять, где реальность, а где фантазия.

– Это как это, – логика нарушена? – спрашивает Виктор, остановившись под моросящим дождем посередине площадки.

– А вот так. Возьми, к примеру, таракана, оторви ему ногу и отпусти. Он дальше побежит. Из этого примера можно предположить, что если человеку оторвать ногу, то он тоже дальше на одной ноге побежит. Вот вам классический пример ломаной логики.

– А что тут нелогичного? – удивляется Виктор, стараясь сделать умное лицо. Я и не такого в Афгане насмотрелся. Если жить хочешь, то и на одной ноге побежишь домой.

– Понятно все с тобой, Вить. Ты в Афгане, когда на мину наступил, видимо, не только ноги себе покалечил, но и мозг тоже.

– Возможно, – улыбаясь говорит Виктор. – Только где эта грань между сумасшествием и нормальным восприятием? Кто её устанавливает? Те, у кого оружие в руках или те, кто у власти стоит?

Значит меня, пацана молодого, погибать в чужую страну отправлять – это не сумасшествие? Или же, запрещать марихуану, с которой ни ломок, ни агрессии нет, а алкашку, с которой люди с ума сходят от похмелья, рекламировать на государственном уровне – это не сумасшествие?

– Да, я все понимаю, Вить, что ты разошелся, я же не злюсь на Елисея, я только помочь ему хочу.

– А тебе не кажется, Вась, что ты в тюрьму попал потому, что помочь всем хотел? Что ты всё лезешь с помощью своей, кто тебя об этом просит? – продолжает раздражаться Виктор, – Сам-то, мир решил в лучшую сторону изменить, Иисуса из себя возомнил, наверное?

Притихшие в стороне индусы с любопытством наблюдают, как, непонятно из-за чего, ругаются два русских.

– Мне вот Елисей такую книжку интересную дал про Бога почитать, ни один сумасшедший не поймет её. Прочитав её, я вчера ночью понял, для чего в тюрьму попал. Я должен был встретить Елисея, чтобы прочитать эту книгу. Меня судьба всю жизнь вела к этой книге. Кто бы другой дал эту книгу, я бы и читать не стал. А тут посмотрел, какой он счастливый и решил попробовать почитать. «Учение огненного духа» называется. Я теперь понял, что всю жизнь жил неправильно. Теперь я знаю, как стать счастливым. Хочешь, тебе расскажу?

– Нет, Вить, не хочу. По-моему, у тебя точно крыша поехала. Елисея отвезли в психушку, и ты тоже хочешь туда попасть.

– А я и не скрываю, что я сумасшедший. И ты сумасшедший, и все мы тут сумасшедшие.

– Всё, Вить, достал ты меня. Сам гуляй один по кругу, не могу я больше тебя слушать. Я лучше пойду с нормальными людьми пообщаюсь. Как же ты мне надоел, когда же тебя, дурака, выпустят отсюда?

ГЛАВА 27. Часть вторая. На воле.

– Вы слышали новость? Ромашку и Зонта вчера на почте арестовали, – с порога сообщает нам взволнованный Лёша.

– Не может быть!

– Может, ещё как может. Они вчера, после пати, пошли на почту посылку отправлять. Даже не переоделись. Во всём трансовом наряде, с обдолбанными глазами, пришли на главпочтампт. Ты только представь картину: два обдолбанных фрика, пританцовывающих без музы-

ки, в руках – барабан и банка «Чавана Праштли»¹. А главпочтампт всегда полиция караулит. Так вот, полицейский взглянул на них, достал приготовленную спицу, и, недолго думая, воткнул её в банку. И сразу же нажал кнопку сигнализации.

– А что, договориться деньгами не получилось у них?

– Да, какое там, «договориться», – они, пытаясь бежать, устроили драку, Зонту зубы выбили, Ромашке руку сломали. Вчера вечером их по телевизору, по всем непальским каналам показывали. Неприятная история. Особенно, если учитывать, что у меня завтра билеты в рашку. Я полкило чараса у себя в животе везти буду. Не сдадут нас хлопцы? – испуганно спрашивает Влад по прозвищу «Лэнк».

– И что им теперь светит? – спрашиваю я, вспомнив про пять килограмм чараса, лежащие под моей кроватью.

– Если вдвоём сидеть будут, то года по четыре могут получить, а если кто-нибудь из них на себя все возьмет, то года через два выйдет.

– За групповое преступление всегда больше дают, – говорит Влад, откладывая в сторону майку, на которой он с утра рисовал огромного улыбающегося кота с пятью ногами. – И вообще хватит о них говорить. Попали, – значит попали. Нечего паранойю разводить. Мне завтра, улыбающимся, через таможню с полукилограммом чараса проходить надо, так что закрыли тему. Лучше посмотрите, какой кот веселый у меня на майке получился. Целая коллекция маек у меня под названием «Пятиногие коты». Я такую майку в Москве баксов за двести продам. У меня их уже десять штук нарисовано.

– А как же серия под названием «Лос Уебанос»? – спрашиваю я, вспомнив веселую майку, разукрашенную им для Валеры.

– «Лос Уебанос» – это прошлый сезон. Полгода я в Гоа рисовал «Лос Уебанос», всю коллекцию распродал. Вот отвезу в Москву чарас, вернусь, – мне как раз денег ещё на полгода хватит. Буду в Непале пятиногих котов рисовать. А после котов у меня есть идея: рисовать буддистских демонов и голодных духов.

В комнату вдруг вбегает радостная Василинка и, схватив меня и Влада за руки, начинает тянуть, поднимая с дивана.

– Пойдёмте скорее на балкон, там опять обезьянки пришли кукурузу собирать!

– Пойдём, Влад, это действительно стоит посмотреть, говорю я, направляясь за дочерью.

Мы располагаемся на креслах, стоящих на огромном балконе, чтобы посмотреть очередное шоу борьбы за урожай. В десяти метрах от на-

¹Чавана Праштли»- густое как мёд аюрведическое лекарство

шего дома, по склону горы, к кукурузному полю неторопливо спускается стая обезьян. Разделившись на две группы, обезьяны окружают небольшое кукурузное поле, расположенное на холме. Увидев приближающуюся стаю, непальские крестьяне начинают громко кричать, размахивая бамбуковыми палками. Видимо, давно привыкая к такому повороту событий часть обезьян, отвлекая крестьян, ответными воплями старается привлечь на себя внимание.

– Смотрите, сейчас будет самое интересное, – показываю я пальцем на вторую группу обезьян, которая потихоньку начинает обдирать спелые початки кукурузы.

Увидев, что обезьяны поедают урожай, крестьяне, бросив левый фланг, всей толпой бегут с одного края поля в другой. Вожак стаи громким криком подаёт знак остальным, и десяток обезьян, захватив по початку, быстро взбирается на вершины бамбуковых зарослей.

– Почему обезьяны умнее крестьян? – улыбаясь, комментирует Влад. Сотни лет крестьяне живут бок о бок с обезьянами, а так и не научились оберегать свой урожай.

Василинка звонко заливается смехом и, хлопая в ладоши, болеет за команду обезьян, крича им: «Давайте. Давайте скорее, люди уже близко!!» Обглодав сочные кукурузы, обезьяны начинают бросаться сверху пустыми початками в непальцев.

– Смотри, какие умные обезьянки, показывает моя дочь на вторую группу, которая потихоньку слева начинает обирать початки.

Крестьяне бросают правый фланг, и шумной толпой бегут к другому краю поля. Левая группа обезьян точь-в-точь повторяет маневр правой группы, и, с удовольствием расположившись на верхушках деревьев, не торопясь поедает сладкую кукурузу. Так продолжается несколько раз. Наевшись досыта, обе группы, неторопливо перепрыгивая с дерева на дерево, отправляются в джунгли. Крестьянам же остается только подсчитывать свои убытки, собирая обгрызенные початки.

– Сегодняшнее шоу закончено, продолжение завтра, – смеясь говорит Андрей, вытаскивая из сумки чилум.

– Чем будем сегодня заниматься, опять накуриваться или ничего не делать? – с тоской спрашивает моя Лена.

– Если не хочешь накуриваться, можешь в доме убраться, – начинаю я раздражаться от её вечного недовольства.

– Только не ругайтесь снова. Хотите, я вам лучше балет покажу? – предлагает моя маленькая Василинка, пытаясь отвлечь нас от очередного назревающего конфликта.

– Конечно, хотим, – улыбаясь, отвечаем мы хором.

– Тогда я сейчас переоденусь и покажу вам концерт. Спускайтесь все в сад, а ты папа музыку медленную поставь. Только не транс, пожалуйста, я транс не люблю.

– Вот оно, оппозитивное мышление, вечная проблема детей и родителей. Я бы хотел, чтобы она выросла настоящей психоделической фричкой, а она балет любит. Есть в её детском садике один мальчик, папа у него известный итальянский драг-дилер, любых полицейских терпеть не может, всех их свиньями называет. Так вот, сидим мы как-то в Джус Центре возле детского сада, соки пьем, наши дети салаты фруктовые едят. И спрашивает он у своего сына: «Христиан, скажи, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?» «А я, когда вырасту, папа, полицейским стану, буду преступников в тюрьму сажать, пусть все меня боятся». Папа его тогда чуть соком не подавился.

– А ты хотел бы, Вась, чтобы твоя дочка, когда выросла, тоже бы наркотики употребляла? – спрашивает меня беременная Лариса, поглаживая свой большой живот.

– Сложный вопрос, Ларис. Я много раз его себе задавал. Конечно же, не хотелось, чтобы она торчала на наркотиках от безысходности. Но я хочу, чтобы она сама свой осознанный выбор сделала. Она сейчас на нас смотрит, и выводы сама делает, что хорошо, а что плохо. С одной стороны она видит наши довольные, обдолбанные или обкуренные лица, а с другой – видит, как мы с утра, пока не покурим, раздражённо ругаемся. Было бы хорошо, чтобы она их просто не хотела. Ну, а если бы она употребляла изредка и осознанно, то я не был бы против. Может, я для этого и живу такой жизнью, чтобы она видела обе стороны медали. Ведь наркотики это не только «плохо», это ведь, в первую очередь, лекарство. И чаще всего – лекарство для души. Я постараюсь воспитать её так, чтобы душа у нее не была больной, и надеюсь, что когда она вырастет, то предпочтёт вообще ничего не употреблять. Это мы, психоделические войны, пытаемся мир к лучшему изменить, а ей вот балет нравится. Она, может быть, уже в другом обществе жить будет. Надеюсь, что люди сделают к тому времени квантовый скачок восприятия. Может быть, в ближайшем будущем люди перейдут на более высокие контуры восприятия, и не нужно будет тогда вообще никаких наркотиков. А захочет по нашему пути пойти, – я тоже возражать не буду. А я своим примером покажу ей, что это за путь такой, и какие у него подводные камни.

Спустившись вниз, мы располагаемся полукругом на ступеньках во дворе нашего дома. Между двух огромных кустов с красными цветами, под медленную музыку, на импровизированной сцене начинает танцевать моя маленькая принцесса, старательно подражая увиденному

когда-то по телевизору «Танцу маленьких лебедей». Двери железной калитки в наш двор потихоньку приоткрываются, и я вижу пять пар маленьких чёрных глаз, с любопытством разглядывающих необычный танец маленькой белой девочки. Увидев их, Василюшка на мгновение останавливается, и знаком приглашает их зайти.

– Заходите, садитесь, – приветливо говорит моя Лена, приглашая соседских детей.

Чумазые, в дырявых одеждах, дети недоверчиво располагаются вместе с нами на ступеньках. Моя малышка, с серьёзным лицом, стараясь изо всех сил, пытается повторить танец умирающего лебедя. Осмелев и поняв, что их тут никто не обидит, соседские дети быстро теряют интерес к происходящему шоу.

– Гив ми мани, – протягивая свою руку, спрашивает сначала старший, лет шести, мальчик.

Затем и все дети, потеряв окончательно интерес к василюшкиному творчеству, начинают громко клянчить у нас деньги, повернувшись к моей дочери спиной.

– Вы для чего сюда пришли? Балет посмотреть или попрошайничать? Смотрите, для вас маленькая девочка как старается, – показываю пальцем я на свою дочь.

– Мани, мани, – наперебой кричат маленькие засранцы, протягивая свои руки.

– Всё, достаточно, не хотите смотреть – уходите, – сурово показываю им на калитку.

Поняв, что ничего им здесь не дадут, дети шумно убегают, оставив маленькую танцовщицу в полном недоумении. Через мгновение из-за забора на нас обрушивается град из маленьких камней.

– Почему им не понравился мой танец? – прижавшись ко мне, плачет моя маленькая девочка.

– Так уж устроен этот несправедливый мир. Не всем дано понимать красоту, – пытаюсь успокоить её я.

Выключив музыку, я слышу, как по гравии кто-то подъехал к нашей калитке.

– Что с тобой, на тебе лица нет, говорю я Илке, завозящей во двор велосипед.

– Я сейчас ездила звонить в Россию, все очень плохо. Посылку с чарасом в рашке арестовали, бабушку на допрос в милицию возили.

– Беда одна не приходит. Сначала наши ди-джеи, Ромашка и Зонт, потом ты. Как бы с нашей посылкой чего не произошло бы, – добавляет Лёша, поглядывая на свою беременную жену.

– А я в рашку собиралась вернуться, говорит Илка, скручивая трясущимися руками джойнт. – Что же мне теперь делать? У меня денег совсем не осталось.

– Нельзя теперь тебе в рашку, в ближайшие два-три года, я тебе как адвокат говорю, – добавляет Андрей, протягивая ей свою зажигалку. – Расскажи поподробнее, что с бабушкой произошло.

– Получила она извещение с почты, что, мол, можно придти за посылкой. Пришла она на почту, без проблем всё получила, принесла домой и положила под кровать, не вскрывая, как я её по телефону предупредила. А через неделю пришли менты к ней домой с обыском. Они, оказывается, неделю в засаде возле подъезда караулили, ждали, кто за посылкой придёт. Всех подозрительных, кто в подъезд заходил, обыскивали. И не дождались меня, слава Богу.

– Не переживай, Илка, ты же, когда отправляла посылку, свою фамилию не указывала?

– Нет, не указывала.

– Ну, значит, через пару лет твое дело в архив отправят. Доказательств, что это ты отправляла у них нет. Значит, со временем дело закроется. А что бабка твоя ментам сказала?

– Говорит, что посылку эту подружка моей внучки отправила. А внучка в Индии живёт.

– Не расстраивайся, Илка, заплетешь себе все оставшиеся волосы в дреды, и будешь фриковать в Индии. Теперь у тебя уважительная причина, – смеясь, говорит Влад, пытаясь её подбодрить.

– Ну, а мне что, тоже фриковать без бабок? После ареста парней я теперь близко с гашлом к главпочтамту не подойду.

– А кто тебя, Дэн, заставляет здесь на почту идти? Бери билет на автобус, и езжай в Индию. Там не нужно на почту идти. На Мэйн Базаре сотни маленьких контор, которые занимаются отправкой грузов в Россию.

– В прошлом году мы отправляли посылку, – перебивает нас Лёша, – положили килограмм чараса прямо на дно сумки. А индус, что принимал посылку, нашёл его и вернул нам. Пальцем только пожурил и сказал, что это незаконно. Ты возьми бронзовую статуэтку Шивы, она пустая внутри, набей её чарасом, сверху перца со специями насыпь, чтобы собаки не учуяли, и залей всё эпоксидной смолой. Вряд ли кому в голову придёт, что внутри что-то есть.

– Так и придётся сделать, денег у меня совсем не осталось. Завтра буду собираться в дорогу. А из Дели я в Болливуд² подамся, может быть, работу там какую-то найду. Говорят, там на озвучку фильмов русские требуются.

²Болливуд – Индийский Голливуд.